

© 1998 г. В.Б. КРЫСЬКО

**ДРЕВНИЙ НОВГОРОДСКО-ПСКОВСКИЙ ДИАЛЕКТ
НА ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ***

В этом году исполняется 47 лет со времени обнаружения новгородских берестяных грамот. Между тем в центре внимания палеорусистов и, шире, славистов всего мира они оказались лишь в последние пятнадцать лет. Всплеск энтузиазма начала 50-х годов сменился признанием малой информативности берестяных документов с лингвистической точки зрения еще в 1980 г. в посмертном издании "Истории русского языка" А.В. Исаченко утверждалось, что " для истории языка они дают очень мало. Наше представление о древненовгородской *lingua vernacula* (диалекте – ВК) едва ли изменилось из-за опубликования писем на бересте" [Issatschenko 1980: 67–68].

Тридцатилетний интервал, разделяющий открытие грамот и первые опыты их действительно научного и системного лингвистического истолкования, является следствием предшествующего периода в развитии советского языкознания, когда сравнительно историческое языковедение, и в частности историческая русистика, были практически уничтожены устами марристов и руками чекистов. Ко времени известной дискуссии 1950 г. "связь времен" в палеорусистике порвалась настолько решительно, что никакие наспех изготовленные учебники старославянского языка и исторической грамматики уже были неспособны возродить былые знания, былой уровень науки. В этих условиях введение в научный оборот принципиально нового лингвистического материала просто не могло получить адекватного отклика, и естественной реакцией на все то новое, что несли с собой берестяные грамоты, стало возобладавшее представление об их "безграмотности"¹.

Медленное изменение ситуации в исторической русистике, которое ознаменовалось в 60–70-е гг. появлением обобщающих работ, вновь, после полувекowego перерыва, опирающихся на материал древних рукописей, постепенно все более совершенствовавшимися публикациями древнерусских памятников, подготовкой исторических словарей, отчасти восстановило статус русского исторического языкознания как науки и привлекло к древнерусскому языку внимание специалистов по общей и индоевропейской лингвистике, сумевших нетрадиционно взглянуть на традиционные проблемы и увидеть новое и нетривиальное там, где другим виделось лишь искаженное старое. Именно этот свежий взгляд со стороны и сделал возможным "реабилитацию" берестяных грамот как ценнейшего источника по русской языковой истории.

Впечатляющие опыты научной интерпретации лингвистического материала берестяных грамот, предпринятые в начале 80-х гг. А.А. Зализняком, привели не только к выявлению новых данных и распространению новых идей, но и к возрождению из научного небытия целого ряда фактов и гипотез, хорошо известных отечественным

* Предварительную версию статьи см. [Крысько 1997].

¹ Впрочем, в смешении букв ъ и о, ь и ѣ, присущем отнюдь не только бытовой системе письма, но и многим книжным текстам (ср., например, в ЧН к XIII: 17–17 об. *съ взи на вѣиноу избѣиномъ ко вѣимъ пѣвелъ тѣго нѣзѣ шкѣвати двѣими шкѣвами пѣже дѣстѣиць по томѣ*), трудно усматривать особия орфографически прием, но кажется более правомерным видеть именно нетвердость орфографических навыков.

ученым дореволюционной школы и классикам зарубежной славистики, но прочно забытых палеорусистикой в пору марристского террора и постмарристского безвременья. Приходится лишь пожалеть о тех значительных затратах времени и сил, которые требуются современной науке для обоснования положений, высказанных и доказанных семьдесят или сто лет назад. Так, всем историкам русского языка, очевидно, памятна блестящая расшифровка контекстов из грамот и летописи, содержащих глагол *рути* "подвергать конфискации имущества" [Зализняк 1984а 108–113, 1984б, 1986 168–171]. Этот тонкий и глубокий анализ имел бы еще большее значение для науки, если бы А. Х. Востоков и А. А. Потебня не установили семантику и этимологию, а Б. М. Ляпунов – правильную форму инфинитива указанного глагола [Вост., 2 157, Потебня 1881 49, Ляпунов 1926 19]. Яркое и основательное исследование древнерусских идеографических написаний типа *бѣдинъ = осподинъ* [Зализняк 1990, 1993 233–241] предвосхищено кратким примечанием Л. Л. Васильева [1908 205–206], согласно которому "здесь мы имеем (дело) просто-напросто с особым графическим приемом" и "эти сокращения надо читать именно без *г*, которое является излишним остатком традиционного письма". Не утратили значения и плодотворные идеи Васильева [1907 252–253, 1908] относительно особых явлений на границе предлогов / приставок и последующих корней, начинающихся с гласной, типа отмеченных в берестяных грамотах *оув Иванова, к Юрию, възъиду* и др. (ср. [Shevelov 1972 XX–XXIV]), ссылаясь на Васильева [1905 222–223] была бы, думается, уместна и при изложении истории имени *Юрий* (ср. [Зализняк 1995 86–87]). Трактовку Л. Л. Васильева [1909 311–312] по существу повторяет истолкование эволюции форм со вторым полногласием, отстаиваемое, вслед за историко-фонетическими работами 70–80-х гг., автором этих строк [Крысько 1994б 17–18]. При установлении польского соответствия к наречию *нинѣ* [Зализняк 1995 486] полезно было бы учесть, что "совершенно аналогичные с *п i n i e* образования встречаются также в тех старших среднеболгарских текстах, которые в других случаях строго различают *и* и *ы*", и что, тем самым, возможна реконструкция "праслав *п i n ѣ*" [Ильинский 1909 242, 244]. Возвращение классических трудов в современный научный обиход, бесспорно, позволило бы избежать ссылок на новейших исследователей рукописей при повторении старых примеров неординарных изменений, типа прогрессивной ассимиляции по глухости в форме *кте* из русской части "Саввиной книги" [Соболевский 1884 138, 153–154, Зализняк 1995 68] или замены *-ого* на *-ога* в форме *осмога* из "Захариинского паремейника" 1271 г. [Каринский 1928 236, Зализняк 1993 224]. С другой стороны, учет зарубежной славистической литературы также мог бы облегчить "новгородистам" решение сложных проблем. Так, при анализе написаний с корнем *въх-*, по-видимому, стоило бы иметь в виду специально посвященную им статью Д. Савиньяка [Savignac 1975] "Вопрос о том, имеется ли связь" между древненовгородскими притяжательными прилагательными типа *Зуикевъ* и польскими фамилиями типа *Mickiewicz* [Зализняк 1995 184], существенно проясняется благодаря работе Г. Шевелева [Shevelov 1971], показавшего, что достаточно поздние (с XV в.) образования на *-ewicz* в польском имеют белорусское происхождение, предложенная американским исследователем интерпретация этих форм как результата прогрессивной палатализации [к] после палатальных и палатализованных согласных позволяет не связывать *Зуикевъ* 'с влиянием др.-новг. диалектного окончания *-е* в И. ед. мужского рода" [Зализняк 1995 184] (что оставляет необъясненным отсутствие форм типа **Иваневъ*), но дает возможность соотнести их с зафиксированными в псковской письменности формами *толке, колке* Псков I лет., 87, 108, вероятно, реликтивно отражающими прогрессивную ассимиляцию по мягкости (ср. [Васильев 1902 23]).

К числу давно высказанных (но оттого не обязательно верных) гипотез, ставших популярными в современной палеорусистике, принадлежит и идея о западнославянском генезисе древних жителей Новгорода и Пскова и их диалектов. Предположение это было выдвинуто еще в 1834 г. историком М. Т. Каченовским, в иницизированной

(а может быть, и написанной) им статье, которая была опубликована под именем М. Перемышлевского, указывалось, что "общества, возникшие на берегах Днепра и Волхова, не могли иметь одного начала" и что "...колония, основательница Новгорода, должна была принадлежать которому-нибудь из племен, известных вообще под именем Славян Немецких" (цит. по [Петровский 1920: 365–366]). Несмотря на осторожное возражение М.П. Погодина, подчеркнувшего, что "филология должна помочь в этом отношении истории и объяснить, есть ли какая связь Новгородского наречия с Польским, которое принадлежало так называемым Немецким Поморским Славянам" (цит. по [Петровский 1920: 367]), "светлая мысль" Каченовского "о заселении новгородской области с балтийского Поморья" нашла сторонников в лице только что процитированного А.А. Котляревского, С.А. Гедеонова, И.Е. Забелина (см. [Петровский 1920: 367–368]). Уже в начале уходящего столетия эту гипотезу горячо поддержал Н.М. Петровский (по его собственному признанию, "отнюдь не лингвист"), который, справедливо заметив, что "любая правильная мысль... может быть обставлена неверными доказательствами", дал несколько образцов подобных доказательств новгородско-западнославянского родства, как то: прогрессивную ассимиляцию *съдоровъ* > *сдоров* > *сторов*, имя *Валфромей*, сопоставленное с польск *Walthomiej*, начальное *М* в имени *Микула*, имена *Ян*, *Матей* и даже гипокористику *Домаш* (от *Домаслав*, *Домажир* и под.), поставленную им в связь с *Thomas* [Петровский 1920. 369–385]

Правда, мнения о родстве западославянских языков и северо-западных ("кривичских") восточнославянских говоров высказывались и лингвистами [Соболевский 1912: 46–48; 1916: 140; Шахматов 1913: 9–10; 1915: 101–102, 318], причем в качестве аргументов рассматривались цоканье, сопоставляемое с мазурением, а также [гл], [кл] < *dl, *tl и нулевое окончание в третьем лице презенса; однако тот же А.И. Соболевский [1886; 1912: 48] обратил внимание и на новгородско-сербские сходжения.

В наши дни гипотеза западославяно-новгородского родства нашла развитие в глоттогонических трудах Г.А. Хабургаева [1979: 108–119; 1980: 80–81] (см. рецензию [Shevelov 1982]) и в "лингвогенетических" исследованиях С.Л. Николаева, утверждающего, что «...характерные кривичские черты, такие, как рефлексy *Tl, *ǣ и в особенности сочетаний дентальных с -j- и велярных в позиции II палатализации... объединяют кривичские диалекты с лехитскими и противопоставляют их всем остальным восточнославянским. Эти черты никоим образом (позволительно спросить, почему? – В.К.) не могут быть расценены как "периферийные архаизмы" восточнославянского континуума, а, напротив, должны (!) считаться пережитками того состояния, когда кривичский племенной диалект, еще не войдя в близкий контакт с другими будущими восточнославянскими племенными диалектами и не затронутый общевосточнославянскими конвергентными процессами, представлял собой особый позднепраславянский диалект, входивший вместе с северными западославянскими диалектами в единый лингвогеографический ареал» [Николаев 1990: 62]. Канонический статус данное положение получило в следующей формулировке: "...в определенный момент развития праславянского языка... выделяется северная (точнее, северо-западная) группа древних диалектов, включающая польский (!), севернолехитские, лужицкие и севернокривичский" [Зализняк 1993: 232].

Весомую поддержку кривичско-западославянская гипотеза получает, на первый взгляд, в трудах В.В. Седова. Однако, ни в коей мере не ставя под сомнение огромное значение многолетних исследований ведущего российского археолога, снискавших ему широкое признание, и не скрывая своего полного невежества в проблемах археологии, мы все же считаем возможным и даже необходимым откликнуться на его статью, напечатанную на страницах "Вопросов языкознания" и, следовательно, рассчитанную на языковедов [Седов 1994]². Внимательное и непредубежденное чтение этой работы, представляющей собой, судя по всему, квинтэссенцию взглядов ученого на восточно-

² Далее ссылки на страницы этой статьи даются в скобках; курсив и пометы в скобках здесь и далее наши.

славянский этно- и глоттогенез, заставляет констатировать, что она скорее отражает зависимость археологии от новейших разысканий языковедов, нежели дает реальные археологические аргументы в пользу известных лингвистических построений. Чрезвычайно показательным сопоставлением крайне неопределенных археологических выводов с уверенными лингвистическими – которые, впрочем, под пером неспециалиста выглядят иногда довольно странно и разве что коллегами-археологами могут расцениваться как сильная сторона концепции исследователя и "краеугольный камень всей системы его доказательств" [Буров 1996: 126]. Так, отмечая, в связи с культурой псковских длинных курганов, что "поиски истоков этой культуры приводят археологов к Средневисленскому региону, пока, правда, *весьма гипотетически*" (с. 9), В.В. Седов в то же время заявляет: "Говоры славянского населения, оставившего ранние длинные курганы, составили древненовгородский диалект... Ряд морфологических и синтаксических (?) особенностей, свойственных древненовгородскому диалекту, его характер (?) и (!) отсутствие второй палатализации дали основание А.А. Зализняку полагать, что славянская группировка, расселившаяся в Новгородско-Псковской земле (,) в языковом отношении некоторое время развивалась обособленно от основного ядра (!?) славянского мира" (с. 9–10). Аналогичное соотношение археологических и лингвистических аргументов наблюдается и при обращении к новгородским словенам, ср. "Население, оставившее культуру сопок, *с полным правом можно отождествлять с ильменскими славянами...* Археология пока *не располагает фактами* для освещения путей и деталей расселения этой славянской группировки" – но: "В результате расселения ильменских славян древненовгородский диалект дифференцировался на две части (!) В западной и юго-западной частях ареала псковских длинных курганов, не затронутых этой миграцией, получают развитие псковские говоры (а какие говоры развивались там до тех пор? – В.К.), а в области расселения словен ильменских – западное наречие (!) севернорусских говоров" (с. 10).

Таким образом, авторитетный археолог, видимо, считает древненовгородский диалект общим предком псковского и восточноновгородского (словенского). Любопытно, что отождествление псковской группировки славян с кривичами произойдет В.В. Седовым, так сказать, задним числом, только после того как мы узнаём, что культуру смоленско-полоцких длинных курганов, возникшую в результате "переселения... населения культуры псковских длинных курганов в южном направлении" (с. 10), "следует считать кривичской" (с. 11). "К кривичам, – добавляет автор, – *есть все основания* относить и псковскую группировку славян" (с. 11).

Не менее поучительная картина открывается перед нами при ознакомлении с историей населения Волго-Окского междуречья: с одной стороны, "вопрос о происхождении славянской группировки, представленной браслетообразными сомкнутыми и заходящими височными кольцами (,) *на археологических материалах пока не поддается разрешению*" (с. 12), с другой – "имеются все основания утверждать, что именно диалект этой племенной группировки славян и положил начало развитию владими́ро-поволжской группе (так!) северновеликорусских говоров... Топонимические данные... свидетельствуют, что заселение ранними славянами Волго-Окского междуречья было результатом того же большого миграционного потока из Повисленья через Среднее Понеманье и Псковско-Ильменские земли" (с. 12) – т.е. того потока, который, судя по изложению В.В. Седова, дал начало и кривичскому населению Пскова, Южного Приильмения, Полоцка и Смоленска. В то же время, по мнению реферируемого автора, "ряд данных... склоняют к мысли о западном происхождении словен ильменских", и хотя, как уже упоминалось, "археология пока не располагает фактами...", В.В. Седов все же считает возможным утверждать, что, "по всей вероятности, они, как и балтийские славяне Северной Польши и междуречья Нижней Эльбы и Одера, вышли из одной древней группировки праславян, локализуемой *проблематично* в северной части пшеворского ареала" (с. 10).

Итак, при отсутствии сколько-нибудь определенных археологических показаний

едва ли не все древнейшее население Северной Руси выводится из западославянского ареала, уверенно отождествляется с летописными группировками племен и – благодаря рассмотрению «данных археологии на фоне "Диалектологической карты русского языка в Европе"» (с. 4) – напрямую соотносится с современными носителями русских говоров. Неудивительно, что немецкий археолог К. Гёрке, автор последнего обобщающего труда о ранней истории восточного славянства, заметил: "Теория Седова о раннем переселении славян в псковские и новгородские земли все еще стоит на слабых ногах (*auf schwachen Beinen steht*)" [Goehrke 1992: 32] (см. также [Björnflaten 1995: 41–45]).

Такова археологическая база, на которую опираются современные сторонники лехитского, или, если использовать терминологию А.А. Шахматова [1913: 9; 1915: 101–102]), "ляшского", происхождения кривичей, вятичей и т.д., создающие, в свою очередь, лингвистическую основу для археологических выводов.

Что же касается этой лингвистической основы, то взгляды А.А. Зализняка и С.Л. Николаева на источники реконструкции древнего языкового состояния существенно различаются. А.А. Зализняк [1995: 9] обоснованно считает "прямыми" (и, очевидно, главными) источниками "для изучения некоторого идиома в некоторый период его истории" только "тексты, написанные в рассматриваемый период непосредственно на данном идиоме и дошедшие до нас в подлиннике", причем описание лингвистического материала древненовгородских источников в работах ученого – и недавняя сводная публикация берестяных грамот с неопенимыми по своей важности комментариями [Зализняк 1995] подтвердила это в полной мере – осуществляется с такой тщательностью и на таком высоком научном уровне, что дискуссии здесь могут вестись лишь в двух плоскостях: в плане истолкования отдельных написаний и форм и в плане общей славистической и социолингвистической интерпретации.

Для С.Л. Николаева, напротив, "наиболее важными свидетельствами древнейшей истории кривичского племенного диалекта" являются акцентологические особенности современных говоров, приписываемые путем "проекции в древность" реконструируемому "племенному языку" [Николаев 1990: 55, 62; 1994: 25, 35]. Непробиваемая сила акцентологических реконструкций, основанных на современном диалектном материале, заключается в их принципиальной неопровержимости. В самом деле, решится ли в наше время славист, не желающий прослыть ретроградом и невеждой, утверждать, что какая-нибудь экстравагантная форма или "акцентная кривая" не существовала тысячу-полторы лет назад в рамках "древних генетических связей вятичского племенного языка с лехитскими языками" [Николаев 1994: 41]? Правда, и доказательств для подобных реконструкций нет и, видимо, никогда не будет – если только археологи не найдут берестяную грамоту, уснащенную каморами, оксиями, вариями и прочими знаками, до сих пор, к сожалению, обнаруживавшимися главным образом в церковнославянских памятниках, писцы которых вряд ли столь трепетно относились к суперсегментным элементам своей речи, чтобы правильно отражать их на письме, в отличие от восточнославянских огласовок и флексий, которые обычно устранялись в пользу традиционных форм, не имевших никакой поддержки в живом языке (ср., например, локативы *во грѣсѣхъ, на версѣхъ, въ травницѣхъ, dualia в рукоу. ѿ рукоу*, акцентуация которых анализируется безотносительно к явной нереальности самих форм в народно-разговорном языке XVII в. [Николаев 1990: 61]). На фоне, без преувеличения, катастрофических изменений в речи псковичей и новгородцев, изменений, которые привели к утрате в современных говорах соответствующих территорий большинства древних диалектных черт (как то: форм типа *кѣле, въхе, учкле* и т.д.), на фоне коренной перестройки исконной фонетико-фонологической системы и морфологического строя у восточных славян в целом, в условиях изменения ударений даже на глазах одного поколения тысячелетнее (а если учесть праславянский размах реконструкций – полторатысячелетнее) сохранение в говорах с и с т е м н ы х акцентуационных особенностей представляется нам крайне мало вероятным.

Основной метод установления "архаизмов" в современных говорах, который может быть назван "астеризацией", предполагает запись современных диалектных форм латиницей и снабжение их звездочками, ср., например, в статье [Николаев 1994: 33] форму *syrga, призванную удреветить позднее заимствование *серьга* (см. [Lunt 1981: 79]), или **ožyrl'kykь*, к которому возводится *ожерёлак*, демонстрирующий на самом деле тот же корень с первым полногласием, который представлен и в *жерело*, *жерелок*, *жерелье* [ПОС, 10: 211–212]. Очевидно, что без подтверждения собственно древнерусским материалом подобные экзерсисы никак не могут, говоря словами В.В. Виноградова [1922: 155], служить Ариадниной нитью "в лабиринте памятников", но, напротив, способны лишь увести исследователя "с твердой почвы памятников в область зыбучих гаданий". Как верно отметил Г. Бирнбаум [1972: 43], "для реконструкции даже относительно поздних периодов того или иного праязыка... данные, предоставляемые нам современными диалектами и говорами, должны быть, на наш взгляд, использованы с возможно большей осторожностью".

Игнорирование материала древних текстов, стремление возвести любую экзотическую форму современного говора к праславянскому диалектизму (ср., например, запись украинского изменения [л] > [w] без этапа [л], что создает видимость уникальной диалектной рефлексии **-Tl > -w* [Николаев 1994: 30], см. [Mańczak 1984], или вывод о "вятичском" "отсутствии аффрикатизации палатального" в формах типа [*m'v'*]еток, для которых реконструируется переход **kv > m'v'* [Николаев 1994: 39] даже без обсуждения возможности позднего упрощения [ц'в'] > [т'в'], см. [Шахматов 1915: 106, со ссылкой на Б.М. Ляпунова; Аванесов 1949: 135; Бьёрнфлатен 1994: 11]), объединение под одной рубрикой – "кривичских архаизмов", "проецируемых в древность", – действительных архаизмов (неосуществление второй палатализации) и результатов поздних процессов письменной эпохи (рефлексы напряженных редуцированных, второго полногласия, переход [с/ш] > [х] и др.), наконец, прямые подтасовки и искажения диалектного материала (см. [Страхов 1994: 253, 254, 256, 262, 266]) – все это вызывает в памяти справедливое высказывание А.А. Зализняка [1991: 217] о "расшатывании здания славистики различными, нередко весьма легковесными, новшествами". Благодаря этим новшествам русская диалектология из науки по преимуществу синхронно-описательной и для истории языка полезной прежде всего с точки зрения того, как сохраняются говорами архаизмы, зафиксированные в памятниках, становится в работах С.Л. Николаева дисциплиной ретроспективной, реконструктивной, а по сути дела деструктивной, так как практикуемая им методика подменяет сравнительно-исторический метод и внутреннюю реконструкцию характерными для работ пятидесятилетней давности попытками архаизации современных диалектных явлений (ср. [Филин 1953]).

Наряду с тем направлением современной российской палеорусистики, которое можно назвать дифференцирующим и которое заостряет внимание преимущественно на чертах, отличающих древненовгородский диалект от прочих восточнославянских, в отечественном и зарубежном языкознании выявилось противоположное, интегрирующее направление, представленное работами Г. Бирнбаума [Birnbau 1991], Я.И. Бьёрнфлатена [Бьёрнфлатен 1994; 1997; Björnflaten 1995], А.Б. Страхова [1994]³, О.Н. Трубачева [1991: 251–252; 1992: 17–20, 49, 65, 69–71; 1997], Х. Шустер-Шевца [Schuster-Šewc 1993], а также (с оговорками) В. Вермеера [Vermeer 1994; 1995; 1997; Vermeer 1997]. Первая попытка развернутого критического разбора сравнительно-исторических проблем, поднятых в новгородоведческих исследованиях 80–90-х гг., была, однако, предпринята в статьях [Крысько 1994а; 1994б]. Не повторяя аргу-

³ Считаем необходимым заметить, что новгородоведческие работы А.Б. Страхова много выиграли бы, если бы автор оставался в пределах той области, в которой знания его неоспоримы и несомненно приносят немало пользы "берестологическим" исследованиям, – а именно в сфере диалектологии и этнографии. Но не углублялся в чуждые ему вопросы исторической грамматики и избегал смешения личного и научного.

ментов, призванных доказать не западнославянский генезис древненовгородского диалекта и установить в нем соотношение архаизмов и инноваций, считаем все же не лишним воспроизвести здесь в отчасти обновленной форме нашу *диакроническую* классификацию основных особенностей указанного диалекта, особенностей, многие из которых – и это следует специально подчеркнуть – никогда не характеризовали все его говоры одновременно, но возникали, существовали и исчезали в них (нередко при наличии генетически или типологически сходных форм в иных славянских языках) на протяжении весьма длительного периода – от дописьменной эпохи до XV–XVII вв. – и лишь в своей несколько условной синхронно-территориальной совокупности столь существенно отличают рассматриваемый диалект как группировку говоров от других славянских (госп. восточнославянских) диалектов (языков)

I. Праславянские архаизмы.

1 Недостаточная продвинутость слогового сингармонизма, т. е., в первую очередь, фонетически незначительное смягчение согласных перед гласными переднего ряда что обуславливает, в частности, неосуществление второй палатализации (не дошедшей в процессе своего распространения с юга славянского мира на север до 'прановгородских' говоров, но, очевидно, не изначально присущей и прочим восточнославянским диалектам) и ее морфологического следствия – второго этапа бодуэновской палатализации (непереход **vьĕти* во **vьs'ĕти* и, в результате, сохранение **vьxa*, ср. [Lunt 1981 36–37]) Реликты описываемого состояния наблюдаются и в других ареалах, ср. например, вывод Г. Шевелева о том, что в большей части протукраинских говоров всеобщая палатализация согласных перед гласными переднего ряда никогда не осуществлялась" [Shevelov 1982 375, 1979 181, 185], сходное положение в южнославянских языках (ср., однако, [Koschmieder 1966]⁴), древне- и среднерусские примеры с формами *нелъга польга* (не только из новгородских памятников, см [Крысько 1994б 32] и соответствующие статьи в [Ст. XI–XVII], ср. [Lunt 1981 35])

2 Сохранение взрывного перед *l* в рефлексах **dl* **tl* (может быть, в виде [ʧ], [ʧ'] см [Бернштейн 1961 189, 191]), ср. *прободла* в гдовском говоре [Гринкова 1926. 262] *поведли сочтли* – в псковских [Филин 1962 187], а также примеры из белорусских говоров, для которых С. Л. Николаев [1994 30] отрицает польское происхождение см. ниже п. V. 1

3 Первоначальная реализация (ĕ) в виде [a], свидетельствуемая – при отсутствии письменных фиксаций такого произношения – ранними заимствованиями из прибалтийско-финского в северные восточнославянские (госп. ильменско-словенские) говоры и наоборот (*мѣра – таага, Kaijala – Корѣла*) и отраженная, помимо польского, старославянского и болгарского языков, также в некоторых русских говорах и поздних памятниках [Касаткина 1991, Галинская 1993, 1995 98–99] (о причинах последующего изменения [a] в [ĕ] см [Moszyński 1967])

4 Имен. пад. ед. числа существительных муж. рода **o*-склонения на *-o* типа *Псково Воихово* (впоследствии либо переосмысливавшихся как *neutra* либо переходивших в муж. род на *-Ø*) [Крысько 1993 127–129], ср. аналогичные по происхождению

⁴Заметим, что Л. Л. Касаткин [1973 1984] в отличие от Ю. С. Азарх [1967, 1970] считает бытующие в некоторых севернорусских говорах формы типа *дити ден за семьеи* и т. п. не вторичными, а исконными. С. М. Треблер [1978 41] указывает, что «обнаруженная в Вологодском ареале ограниченность противопоставления согласных по дифференциальному признаку палатализованности – непалатализованности» а также полумягкость согласных вызывают предположение о возможной непоследовательности вторичного смягчения согласных в отдельных говорах древненовгородского диалекта», этой гипотезе противоречит, на наш взгляд, твердость или полумягкость исконно мягких согласных, наблюдаемая в соответствующих говорах (*рѣбѣи правленю фс а тѣзыр книга* и др.)

антропонимы – др.-русск (неновгородские) *Гавѣко*, *Василько*, ст.-чеш. *Hromádko*, юж-слав *Янко* и т п⁵

5 Имен пад ед числа муж рода мягкого *o-склонения на *-'e* типа *чѣтьче* "чтец"⁶, *Василе* (подробнее см [Крысько 1993 137–142]?), ср, возможно, изначально родственные им (если не вокативные по происхождению) серб *Радоје*, *Милоје* и т п (см [Розова 1958 4, 14])

6 Длительное сохранение у семантически одушевленных существительных муж рода формы винительного, не равного родительному, т е неразвитость грамматической категории одушевленности в ед числе [Крысько 1994в 78–96].

7 Длительное сохранение деклинационной автономности *и- и *і-склонений, ср генитив *сыноу* в НГБ № 798 рубежа XII–XIII вв (лекция А А. Зализняка в МГУ, 24 сент 1997 г) и в духовной Климента середины XIII в (ГВНП № 105), генитив *Vtati*, винительный-родительный *Ias tego tati obhtzil* ТФ, 240, 3

8 Формы адъективного склонения с сохранением в составе флексии субстантивного окончания, типа *добраго*, *синѣѣ*, *свѣтѣи* (ср *mutatis mutandis* аналогичные старославянские формы)

9 Существование генетически "вторичного" (-Ø) и "первичного" (-*ть*) окончаний 3-го л ед и мн числа наст вр глаголов типа *иде*, *види*, *е*, *несу*, *видя*, *су* / *идеть*, *видить*, *есть*, *несуть*, *видять*, *суть*, в меньших масштабах представленное в памятниках других древнерусских территорий и в других славянских языках, но только в древнем Новгороде обнаруживающее ряд особенностей, которые, по всей видимости, восходят к весьма архаичному состоянию а) предпочтительное употребление форм с -Ø, вероятно, унаследованных от древнего инъюнктива [Miller 1988 18, 20], в придаточных предложениях с модальными значениями [Зализняк 1995 119], б) использование -Ø и *ть* во всех классах глаголов, со значительной степенью уверенности возводимое к раннему периоду смешения этих флексий, которое имело место после введения инъюнктивных показателей в презентную парадигму и позже сменилось в отдельных группах славянских диалектов разнонаправленными унификациями в пользу той или иной флексии [Miller 1988 22–23]

II. Праславянские диалектизмы, общие (не всегда обязательно генетически) для целого ряда славянских диалектов

1 *telt > *tolt (изменение, наблюдающееся у восточных славян и в северно-лехитских диалектах, см [Lehr-Splawinski 1931], 3 Штибер отрицает в данном случае, как и в следующем, какую-либо генетическую связь [Stieber 1979 44])

2 *tylt > *tʲilt (о сходных с восточнославянскими севернолехитских, лужицких, словенских и македонских формах см [Vondrák 1906 332–335, Селищев 1941 231–232, 314, 427–428, Stieber 1979 35–36])

3 Первое полногласие в виде *torət и под, откуда затем возникли такие различные формы, как общевосточнославянское *городъ* – с [o], не переходящим в украинском в [i], русск диал и блр *полымя*, польск *wrota* < *vʲyota < *vərota < *vorəta, ср [Łos 1928]⁸

⁵ Об особой ситуации со старопольскими именами на *o*, которые, возможно латинизированы, см [Курашкевич 1972]

⁶ Ср Оуподыѣконъ ли чѣтьче ли пѣвьць || то же творѣ ли да останеться ли да отълоученъ боудеть КУв сер XIII 256–в (ниже – оупадыѣко(н) ли чѣтець ли пѣвьць 28а, в КР 1284 436 в том же контексте – чѣтець)

⁷ Форма *моуже* РПр 1280, 617 об, еще Е Ф Карским [1962 124] рассматривавшаяся рядом с *Късначько* (см также [Крысько 1993 138–139]) возникла, как убедительно показал А А Гиппиус [1996 53] под влиянием соседнего союза *аже*

⁸ Относительно ст слав формы *золѣта*, которая, по-видимому, не имеет отношения к описываемому рефлексу см [Георгиев 1964 9 104 Schelesniker 1982]

4 Второе полногласие в виде **tъrət* и под, давшее в большинстве восточнославянских говоров, включая новгородские, и, возможно, у части западных славян *tъrət* (ср [Stieber 1979 35])

5 **ōit > iot*, **ōlt > lot* (ср аналогичные формы в старославянском и в западнославянских языках [Бернштейн 1961 221–223])

6 **-jens > *-jēn > -jě* во флексиях (развитие, общее для восточных и западных славян)

7 Переход **tj* и **dj* в биконсонантные сочетания со вторым шипящим элементом типа **t'š*, **d'ž'* (ср украинские формы с [дж] и старославянскую метатезу этих сочетаний – [ш'т'], [ж'д']), различные интерпретации см, в частности, в работах [Timberlake 1981, Крысько 1994а 37, Касаткин 1995 51–53]), в новгородских грамотах рефлекс **tj* в виде ч (или, при отражении цоканья, ц) представлен уже с XI в *хъчоу* НГБ № 513, *оу Сычевиць* 607, *сълюци* 752, *Ходоутиничъ* Свинц, *Гюргевицоу* 119 (о рефлексе **dj* см. III 3)

8 Перенос флексии дат падежа ед числа **и*-склонения *-ови* в **о* склонение (ср аналогичные формы в украинском, южно- и западнославянских языках)

9 Дат-мест падеж личных местоимений *тобѣ*, *собѣ*, представленный также в памятниках Южной и Западной Руси и в западнославянских языках.

10 Диалектный архаизм – окончание 1-го л мн числа наст вр *-ме* сохранившееся, помимо древненовгородского, в части украинских говоров, в болгарском, чешском и словацком

III. Восточнославянские инновации дописьменного периода

1 **toiət > toiot* (в том числе и в древненовгородском диалекте ср уже в древнейших грамотах *новгородьске* НГБ № 562, посл четв XI в *въ горо(дѣ)* 238, XI/XII вв, *сковородоу* 586, XI/XII вв), об ином развитии см п V 5

2 **tъrət > tъrѣt*, ср *смърѣда*, *смърѣди* в самой ранней берестяной грамоте – НГБ № 247 (см также п V 6)

3 [д'ж'] > [ж'], ср *къ рожествѣ* НГБ № 241, XI/XII вв, *оу Ньпробоужѣ* воноука у Непробудова внука" 630, втор четв XII в, *оу прихожано* Ст. Р 12, перв пол XII в (о зонах и условиях сохранения [д'ж'] см [Timberlake 1981 25–28], см также п V 4)

4 **sehdь > семь* vs инославянского *sedь* [Trubetzkoy 1927], ср *семѣъ* гр(в)нѣ 'седьмой гривны' НГБ № 526, втор треть XI в, *семе* резано Ст. Р 22, перв пол XII в

5 **e > o* в начале слова, ср *заожеричъ* Свинц, XI/XII вв, *олени* НГБ № 384, XII в, *досени* 'до осени' 724, 1161–1167 гг⁹

6 Переход **q > u* **e > a > 'a*

Особо следует выделить полидиалектную инновацию – цоканье которое, вероятно, "в древности имело более широкое распространение" [Устинскова 1977 119]

IV. Общеновгородские диалектные явления, характеризовавшие, по-видимому, большую часть говоров древненовгородского ареала

1 Заимствование формантов мягких вариантов склонения и спряжения в твердые, приведшее к появлению форм типа *отроке* vs *муже*, *водѣ* vs *землѣ*, *отрокѣ* vs *мужѣ*, *тихѣ* vs *сихѣ*, *идите* vs *молите*, *идя* vs *моля*, по отдельности подобные явления встречаются в разных славянских языках, но в таком ансамбле – только в

⁹ В работе [Andersen 1996] данное явление, традиционно рассматривавшееся как восточнославянский процесс трактуется в качестве раннепраславянского (и даже балто-славянского)

новгородско-псковском ареале (о фонологических предпосылках см [Крысько 1993 145–147])

2 Неосуществление первой палатализации в новых морфонологических позициях перед *e* и *ě*₁ (*замъке, къльтъкъѣ*) и в заимствованной лексике (*Серегѣрь vs* твер *Селижар, Кѣъ* в соответствии с соврем лтш *Cēsis < *Kesis кърста < фин *ku siu**)

3 Изменение континуантов **zgj, *zdj, *zg'* в [ж'д'] > [ж'г'], а континуантов **skj, *stj, *sk'* в [ш'т'] > [ш'к'] (процесс, отчасти параллельный развитию в некоторых южнославянских говорах, ср [Kronsteiner 1979, Крысько 1994а 32–37]). О близости [ж'д'] и [ж'г'] свидетельствуют, на наш взгляд, нередкие написания с *жг* на месте ц-слав *жд < *dj* (*зижгителеви* Мин XII (н), 50, *оугажглють* 62 об vs *ражджши* 75, 85, *съодежги* Стих XII, 15, *тоужгши* 43, *ражджти* УСт к XII, 235 об, *щожгихъ* МинПр 1260, 107 об, *чюжгакмъ* 149 vs *прѣжжжши, одъжгити* 149, *тоужгжго* Тр 1311, 74 об) по справедливому замечанию В В Колесова [1982 84], ". не находившая соответствия орфографическая черта оригиналов принимала другую форму, нехарактерную для традиционной орфографии, если имела основание в произношении" С другой стороны, обнаруживается все больше материала, подтверждающего вывод А А Зализняка [1986 116–117, 1995 40], согласно которому буква *щ* могла обозначать в новгородско-псковских памятниках сочетание [ш'к'], ср *ощѣрънена* КУв сер XIII, 101а (вероятно, отражение "шокающего" произношения [скв]), азъ *късмь тысящаго* дщи Пр XIII₂, 41а (где псковское [ш'к'] < [чьск], ср *тысящскаго* в ПрЛ 1262, 63г), *щипетры* Апостол 1307 г, 132 об [Горский, Невоструев 1855 294]

4 Изменение [вл'] > [л'] (подобное старосербскому, см [Соболевский 1886])

5 Изменение [мл'] > [н'] через стадию [мн'] (мьглоу *земню* повиваа Пр XIII₂, 1316 vs *землю* Пр 1313, 137а, ср также в галицко-волыньском Евсевиевом евангелии 1283 г *на земни* 60 об, *на зем(н)ѧ* 62 [Голоскевич 1914 40], в ПНЧ XIV₁, 120 в–г *прижнми*)

V. Разновременные инновации отдельных новгородско-псковских говоров, в основном псковские – вследствие особой периферийности и "пограничности" Псковской земли (см об этом ниже)

1 Ассимиляция **dl, *tl* в [гл], [кл] – явление, типологически сходное с аналогичными (в том числе позднейшими) изменениями в восточнославянских говорах (ср курск *съвяклицѧ* вместо *светлицѧ* [Шахматов 1915 102], зап.-укр *бух < *bug < *bugl < *hogl < *bodl* и т п [Gerovskij 1929, Tesnière 1933 70, 86], укр диал *вегль vs видля* [Страхов 1994 258]), польском, словацком, словенском языках (см [Taszucki 1957, Филин 1972 272–278, Stieber 1979 81–82, Popowska-Taborska 1993 80]) Древнейший, наряду с *измакле* в псковской берестяной грамоте № 6 [Зализняк 1993 198], пример такого изменения, очевидно распространявшегося из псковского ареала, зафиксирован нами в Пр XIII₂, 95а *не шбрѣтоша ѧго идеже бѧхоу блюгли ѧго* (в ПрЛ 1262, 78в – *блюли*)

2 Совпадение шипящих и свистящих (в берестяных грамотах засвидетельствованное с XI–XII вв [Зализняк 1995 43], а в пергаменной письменности – начиная с Пр XIII₂, демонстрирующего многочисленные примеры соканья)

3 Веляризация рефлексов соканья в виде [х], [γ], отчасти, вероятно, чисто фонетического характера, отчасти же связанная с морфонологическим выравниванием (в письменности – с XV в с *Макхимко(м)* НГБ № 496, *хов choff* ТФ, 105, 2, *poslucha* 311, 4, *вурачи* "выпаши" 402, 3, ср также материал псковских и гдовских говоров *хытко шибко* [Каринский 1898 98], *бальхой, спраховать* [Montmitonnet 1905 285, 289], *опояхать, вмехный* "совместный", *засухывают* [Чернышев 1970 377, 388], *слухът'* [Гринкова 1926 260] и т п)

4. Возможно, уникальное изменение [д'ж'] > [д'] > [г'], до сих пор, правда, представленное только формой *ноугене* в НГБ № 717 XII–XIII вв.¹⁰

5. Изменение форм с первым полногласием, альтернативное характерному для большинства восточнославянских (в том числе северо-западных) говоров развитию типа *togot* и ведущее к преобразованию *torət > *tərot > *trot*; отражением такого изменения, может быть, являются крайне малочисленные на фоне *togot* формы типа *срочькъ* НГБ № 336, *сѣдрово* тѣло Злат XII, 11а (см. [Крысько 1994б: 18; Зализняк 1995: 35–36; Шевелева 1995: 91–92]; ср. аналогичное польское развитие).

6. Сходная эволюция форм типа *tərət > *tərt > *tirt [Зализняк 1995: 41–43; Шевелева 1995]; впрочем, в некоторых случаях здесь можно допустить и иную последовательность: **tərət(a)* > *tirt(a)* > *irt(a)* (со слоговым плавным) > *tort(a)* / *trot(a)* (с развитием неорганических гласных перед плавным или после него), ср. *почрне* Мин, 41 – *влонениа* 204; *вѣлоноующася* Праз к. XIII, 65 об; *мретвымъ* СбСил XIV₂, 169б, *въ времѣхъ* 171а.

7. Ауслатное яканье (по мнению А.И. Соболевского [1911: 404] – с XII в.) и ряд других фонетических явлений, описанных А.И. Соболевским [1884] и Н.М. Каринским [1909].

8. Изменение [ъ] в [е] в позиции перед [j] – естественно, уже в эпоху вокализации сильных редуцированных.

9. Род. падеж ед. числа муж. рода местоимений и прилагательных на *-га*, отражающий воздействие именного склонения (реализовавшееся также в южнославянских диалектах, а позднее фиксируемое в белорусских говорах): *тъмьнага* старѣишину *ѡ*гониши Мин., 151; *змиа... лютага* оумѣртвивѣша 337. *стѣга* тѣла Службник Варлаама Хутынского, 17, XII в. [Горский, Невоструев 1869: 7]; без *тога* вола Ефремовская кормчая, 16, XII в. [Васильев 1908: 242]), *сѣго* Петра *Альѣандрѣскага* КУв сер. XIII, 106б; *Генадия прѣстѣга*. патриарха 107в; *наслажакшися... обѣита* паче *оумнога* МинПр 1260, 64; *Члѣкъ бѣ ѡксарьма Фемасуфскалѣга* Пал XIV₂, 271б–в; *пленица* же *грѣховнага* Пр 1383, 68в; *от ѡга* (рядом с *otiego*) ТФ, 230, 8, *Онога* (т.е. одного) *boga ludi* 248, 6; *боишься мяня ѡнага?* – хоть двое и придите не баюсь! [Montmitonnet 1905: 269].

10. Распространение флексии *-у* из род. и мест. падежей *и-склонения на *о-склонение в гораздо более широких масштабах, нежели в других восточнославянских говорах, в том числе и среди одушевленных существительных, ср.: при князи *Борисоу* Паремейник 1313 г., запись [Каринский 1909: 145]; *vosli togo tzelowieku* ТФ, 219, 7 (аналогично – 222, 4; 227, 1), *Ne podivi na tovo tzelowieku* 331, 1, *Ja pivro svosniku dabudu* 328, 3.

Итак, можно заключить, что большинство особенностей, выделяемых нами в первые три группы, отнюдь не противопоставляют древненовгородский диалект прочим восточнославянским. В п е р в о й группе перечислены черты, восходящие к раннепраславянскому периоду, т.е. генетически общие для всех славян, а в исторический период отчасти (иногда в меньшем объеме, нежели на новгородско-псковской территории) сохраняющиеся и в других восточнославянских ареалах (см. пп. 1, 2, 3, 4, 9). В т о р а я группа отражает, так сказать, макроизоглоссы, возникшие, по-видимому, на относительно ранних стадиях диалектного членения праславянского и объединяющие древненовгородский диалект прежде всего с иными восточносла-

¹⁰ Постоянное использование *ж* на месте *dj в берестяных грамотах, в том числе характеризующихся древненовгородскими диалектными особенностями, не позволяет расценивать [ж'] как инодиалектную черту; поскольку [ж'] не выводится из гипотетического [г'] в *ноугене*, квалификация последней формы как древнейшего севернокривичского рефлекса [Зализняк 1995: 39, 326] не кажется правдоподобной. В этой связи заметим, что по мнению Г.И. Геровского [1959] *г* в новгородской письменности могло обозначать [д'ж'].

вянскими, а в рамках восточнославянского диалектного континуума – с западно- и южнославянскими. Третья группа включает явления относительно немногочисленные, однако в высшей степени релевантные для восточнославянской идентификации древненовгородского диалекта. Иными словами, в первых трех группах мы не находим таких феноменов, которые исключительно связывали бы древненовгородский диалект – в отрыве от прочих восточнославянских – с западнославянским ареалом, но, наоборот, обнаруживаем целый ряд особенностей, на определенных этапах языковой эволюции объединявших древненовгородскую речь с другими диалектами Восточной Славии, в дальнейшем частично сохранившимися эти черты, а частично их утрачившими.

И лишь в четвертой и пятой группах сосредоточиваются те явления, которые знаменуют уже собственное, своеобразное развитие древненовгородского (и уже – древнепсковского) диалекта в эпоху, предшествующую возникновению первых письменных памятников, и в более поздний период. Именно благодаря этим явлениям те северо-западные говоры, которые в максимальной степени соединили в себе и архаизмы, и инновации, настолько обособились от прочих восточнославянских, что характеристика их как «своего рода "предъязыка"» [Зализняк 1995: 5] могла бы быть признана вполне адекватной реальному состоянию первых веков русской истории – если бы только такой комплекс всех возможных отличий был реально представлен в относительно компактном и вместе с тем обширном корпусе текстов, а не экскерпировался по отдельным элементам из различных грамот, обычно совмещающих диалектные и общерусские черты (см. ниже).

Отрадно видеть, что в последней фундаментальной работе А.А. Зализняка [1995] положения, связанные с "не новой, но фантастической теорией" [Shevelov 1982: 358] новгородско-западнославянского родства, последовательно устранены. Тем самым постулат о "западных корнях псковских и новгородских перенасельников", пришедших "не из Поднепровья, а с южного побережья Балтики" [Янин 1996: 48], возвращается "на круги своя" – в научный обиход нелингвистов, использующих впечатляющий довод об отсутствии второй палатализации для обоснования различий в политической и экономической системах Южной и Северной Руси. Уместно вспомнить в этой связи слова Н.С. Трубецкого (из письма к Н.Н. Дурново от 20 октября 1925 г.): "Я считаю, что во избежание подобных недоразумений лингвисты должны строить свои построения сначала чисто-лингвистически, без оглядки на историю: такое чисто-лингвистическое построение затем может быть подвергнуто историческому толкованию и, в этом случае, явится для историков гораздо более ценным материалом, чем построения вроде шахматовских, являющиеся, в сущности, лишь лингвистическим толкованием предвзятой теории, ведущей свое начало от старых историков" [Трубецкой 1993: 82].

Констатируя тождественность либо близкую соотношенность многих черт древненовгородской речи с прочими восточнославянскими диалектами, мы, однако, не видим необходимости настаивать на употреблении термина "правосточнославянский", ассоциируемого с немодными ныне воззрениями о древовидном членении праславянского диалектного континуума, но в то же время полагаем, что термин "общевосточнославянский", отнюдь не подразумевающий реконструкции изолированной восточнославянской прасистемы, является достаточно корректным обозначением для совокупности восточных диалектов праславянского, со времени распространения славян по Восточно-Европейской равнине сосуществовавших в этой области славянского мира. В тогдашних исторических условиях было вполне естественно, что группа племен, зашедших в своих миграциях особенно далеко, составила периферию восточного славянства, так сказать, "медвежий угол", в котором сохранялась – иногда параллельно с другими восточнославянскими диалектами, иногда обособленно – значительная часть праславянских архаизмов и развивались – как на их основе, так и независимо от них, порой, может быть, под влиянием контактирующих автохтонных языков – собственные инновации.

Вопрос в том, какая именно группа восточных славян образовывала указанную периферию. Приходится констатировать, что популярная концепция, противопоставляющая "севернокривичский", или древнепсковский (который, как утверждается, лег в основу древненовгородского диалекта), всем прочим восточнославянским, и в первую очередь "восточноновгородским" (ильменско-словенским) говорам, оставляет широкое поле для сомнений. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что восточноновгородские говоры – это такой же конструкт, как и, скажем, "племенной язык вятичей": реальных доказательств их существования у нас нет, так как ильменские словене, судя по всему, – если оставаться в рамках обсуждаемой концепции – либо вообще не имели диалекта, сколько-нибудь существенно отличавшегося от "стандартного древнерусского" – т.е., собственно, наддиалекта, основанного на речи Киева (показательно, что в данном случае, в разительном противоречии с активными поисками западнославянских параллелей для кривичей, наши лингвисты предпочитают не упоминать гипотезу В.В. Седова о западнославянских, "северно-пшеворских" истоках словен), либо, в противоположность северным кривичам, были слишком лояльны к Киеву, чтобы допускать в свои берестяные грамоты какие-либо местные особенности. Удивительно при этом, что словене новгородские, именно под таким названием вошедшие в летопись и составлявшие большую часть населения Новгорода, избрали в качестве основного средства общения "племенной язык кривичей", который даже на территории предполагаемого "наложения" ильменско-словенского населения на первоначальное севернокривичское [Зализняк 1995: 4] не претерпел практически никаких изменений. Столь престижный в быту, говор соседей-кривичей, вместе с тем, считался весьма нежелательным в официальном употреблении, и следы его как в деловых, так и в книжных текстах тщательно устранялись – естественно, в меру билингвизма (или, точнее, "бидиалектизма") писцов.

Вся эта парадоксальная языковая ситуация, выстраиваемая в полном противоречии с принципом опоры на прямые источники – т.е. на современные тексты, каковых, повторим, для второго важнейшего субъекта ситуации – "восточноновгородских говоров" – просто нет [Зализняк 1995: 12], – основывается фактически только на археологических изысканиях, иначе говоря, на *jurandi in verba*. Не может не удивлять слепое следование лингвистов туманным, во всяком случае, строго не верифицируемым показаниям археологии – ведь еще Н.С. Трубецкой подчеркивал: "В чисто лингвистических вопросах исторические аргументы обычно приводят к ложным заключениям (*petitio principii* и *circulus vitiosus*). Лингвистические проблемы должны решаться прежде всего чисто лингвистическими способами" [Трубецкой 1936: 92] (ср. также [Schlerath 1992]). Археологические и лингвистические исследования принципиально "разноуровневы": первые восстанавливают "культуры" (т.е., говоря словами И.А. Бунина, "гробницы, мумии и кости"), которые при отсутствии письменности остаются безъязыкими, вторые – собственно язык, который вполне самодостаточен как объект изучения и без экстралингвистического антуража.

Поскольку, однако, для предъистории языка данные археологии все же признаются существенными [Lunt 1984–1985: 420] – *audiat et altera pars*. В лингвистическом мире незамеченной осталась двадцатилетней давности монография трех ленинградских авторов [Булкин, Дубов, Лебедев 1978] (далее ссылки на страницы даются в скобках), в которой выдвигаются альтернативные трактовки кривичско-словенской проблематики. Между тем известная доля скептицизма и полемики – как мы убедились на примере лингвистического анализа новгородско-инославянских отношений – скорее приближает к истине, нежели замкнутость в пределах учения, которое "всесильно, потому что оно верно" – и "верно", потому что всесильно.

Привлекает внимание, в частности, такой неординарный и даже смелый вывод петербургских ученых: «... известные и более или менее изученные погребальные памятники Северо-Западной Руси, длинные курганы, сопки и жальники нельзя рассматривать как достоверно славянские (тем более, конкретно как памятники "словен" и "кривичей")» (с. 74). Анализ материала заставляет авторов заключить:

"Единство населения, обозначаемого именем кривичей, обосновывают распространением длинных курганов в пределах Псковской, Смоленской и Полоцкой земель. Но... длинные курганы Смоленско-Полоцкой земли и Псковщины различаются по обряду, инвентарю, датировкам, и, скорее всего, они связаны с этнически различным населением" (с. 82). Отмечая обычно не акцентируемый в новгородоведческих работах факт отсутствия общих особенностей в диалектах северных (псковских) и южных (полоцко-смоленских) кривичей (ср. [Зализняк 1995: 135]) – за исключением, скорее всего, субстратного и не только кривичского цоканья, авторы монографии подчеркивают: «...ни лингвистические, ни археологические данные не позволяют рассматривать древнерусское население Псковщины как нечто единое с населением Смоленско-Полоцкой земли, т.е. обозначать его именем "кривичей"» (с. 83).

Для нас здесь, разумеется, важны именно лингвистические критерии – и именно они, наряду с тем обстоятельством, что Псковская земля не входит в ареал, отводимый летописью кривичам (с. 83), побуждают сочувственно отнестись к основному выводу археологов, согласно которому исторические новгородцы и псковичи предстают перед нами как потомки одной племенной группы – ильменских словен (с. 85) – и, тем самым, изначально носители одного диалекта. При таком подходе сразу отпадает необходимость в сложных социолингвистических построениях, конструирующих "не менее пяти славянских идиомов" в Новгородской земле [Зализняк 1995: 3], но не объясняющих главного: 1) почему у "родственников" – так называемых северных и южных кривичей – в лингвистическом отношении (не будем говорить об археологии) столь мало общего и 2) почему из двух декларируемых для псковско-новгородского ареала диалектов один – якобы севернокривичский, т.е. по существу псковский, – превалирует в берестяных грамотах Новгорода, Пскова и Старой Руссы, а другой – якобы словенский, т.е. собственно новгородский, – не оставил нам ни одного прямого источника. Ответ, думается, очевиден: лингвистическая ситуация древней Новгородско-Псковской земли в принципе ничем не отличалась от ситуации в других древнерусских землях – Смоленско-Полоцкой, Галицко-Волынской, Ростово-Суздальской и т.д.; это была ситуация сосуществования трех идиомов – церковнославянского языка, общевосточнославянского наддиалекта ("стандартного древнерусского языка") и местного диалекта, представляющего собой совокупность отдельных говоров, которые, собственно, и отражаются в берестяных грамотах. Отклонения от "канонических" новгородских особенностей в бытовых грамотах, как то: параллельное употребление *кѣле*, *кѣлѣ* и *клеветьника* (с выражением несвойственной диалекту категории одушевленности – НГБ № 247), *възале* и *възалѣ* (7366), *изоумене* и *посълалѣ* (605), *поль шесте гривьне* и *ѣ: гривьны* (710) и т.п. – это в такой же мере "плоды просвещения", в какой номинативы на -е, цоканье или соканье в книжных памятниках – плоды невнимательности либо "непросвещенности".

Для того чтобы убедиться в диалектном разнообразии внутри самого древне-новгородского диалекта, достаточно просмотреть несколько более или менее крупных грамот: так, например, в НГБ № 336 (1-я пол. XII в.) сосуществуют регулярные общерусские номинативы на -ѣ (*новѣдалѣ*, *длѣжьнѣ*, *залѣлѣ*), нехарактерный ни для "стандартного древнерусского", ни для "стандартного древненовгородского" генитив *ja-склонения *оу Даныши* и необычные рефлексy сочетаний гласных с плавным *Влѣчькови*, *срочька* (дважды), *длѣжьнѣ*, *срочькѣ*; в НГБ № 227 (2-я пол. XII в.) наряду с новгородизмами *моги*, *тога*, *хоце*, *прашяе*, *енюци* присутствует общевосточнославянский рефлекс *tj – *земля* (bis); во вкладной Варлаама (XII/XIII вв.), даже в ее первой части, "написанной на почти чистом древненовгородском диалекте" [Зализняк 1995: 375], действительно диалектным *въдале* (трижды), *Варламе*, *коле*, *вхоу*, *Вѣлосѣ* (форма, видимо, передающая собственное именование данного лица) противостоят "нормальные" полногласные формы *огородѣ* (не *огродѣ* или *огъродѣ*), *корова*, стандартное *землю* (bis). Эти факты дают основание предположить, что одновременное наличие в одном местном диалекте или же в так называемом "древненовгородском

койне" всех классических новгородизмов типа *кѣле, звѣздѣкъ, вѣхе, вѣгле, мловила, цереленая, енюци, оу женѣ, тога, иде* etc. – это, скорее, не реальная картина, а *summa*, идеальная схема, объединяющая феномены, территориально и хронологически далеко не всегда совмещенные. Корректнее, вероятно, было бы говорить о существовании в каждом из древненовгородских говоров ряда особенностей, в целом отнюдь не обязательно присущих всем говорам.

Таким образом, наиболее периферийным, архаичным и вместе с тем инновативным восточнославянским диалектом может быть признан древненовгородский (новгородско-псковский) диалект, восходящий к племенному диалекту ильменских словен, распространенный на всей территории древней Новгородской земли и выступающий как совокупность местных говоров. Черты, отличающие "дочерние" древнепсковские говоры от основного массива новгородских говоров, т.е. специфически псковские инновации, объясняются, по-видимому, более тесными контактами псковичей со смоленско-псковскими кривичами, шедшими с юга" [Герд 1995: 64], но особенно – с носителями автохтонной речи – финнами и балтами, оказавшими значительное субстратное и интерферентное влияние на пришлых словен – влияние, которое, возможно, проявляется и в замене *dl на [гл], *tl на [кл], и в цоканье, и в соканье, и в таких нетривиальных изменениях, как смешение ударных ⟨а⟩ и ⟨о⟩ (ср.: Поставиша церковь... *кѣмену* Псков. I лет., 23; *Кѣлино* – *Кѣлино* Псков. II лет., 53; на *Комнѣ* Лет. Авр., 76; ср. также материал сомринского говора [Кузнецов 1898; Крысько 1994б: 21]), неразличение звонких и глухих согласных (*градоуциихъ* вместо *крадоуциихъ* КУ в сер. XIII, 12а; *въ готорѣ* вместо *которѣ* 73а; во *Своподѣ* НГБ № 614, посл. треть XIII в. [Зализняк 1995: 426]; *опоротя* Шестоднев служебный 2-й пол. XIV в., 108 об [Каталог 1988: 330]; *пужечника* Лет. Авр., 185; разболися *полѣзнию* Новг. II лет., 22; *Пядницю* Псков. III лет., 235; у князя Дмитрея *Трупецкого* 277), упрощение консонантных сочетаний (типа [ж'д'ж'] > [ж'д'] > [ж'г']), устранение исторических чередований в корнях (ср. в ТФ: *potekit* 171, 15, *sustrekat* 168, 10, *primekat* 210, 9, *Sustrekall* 215, 11, *posluchai* 311, 4, *potekai* 412, 3), веляризация шипящих ([с/ш] > [x], [з/ж] > [γ]) и др. Закономерно, что на территории псковских и гдовских говоров, т.е. на "выселках" первоначальных новгородцев, законсервировались и долгое время сохранялись многие архаичные черты, выветрившиеся в метрополии, сначала просто более активно контактировавшей с диалектами других важнейших политических центров (киевским, ростово-суздальским, позже московским), а впоследствии подвергшейся прямому силовому давлению. В этих условиях пережиточное сохранение древненовгородских черт в псковской речи начала XVII в., зафиксированной Тённисом Фенне, и в совсем уж периферийном сомринском говоре конца XIX в. предстает как естественное следствие сравнительно более "спокойной", на фоне Новгорода, истории Псковской земли, которая, несмотря на разорение и опустошение отдельных территорий, в значительной своей части все же, как мы полагаем, демонстрирует "непрекращающуюся языковую традицию с тех пор, как сюда пришли первые носители славянской речи" [Бьёрифлатен 1994: 16].

Вопрос, откуда изначально пришли новгородские словене, в уже упоминавшейся монографии К. Гёрке, аккумулирующей новейшие достижения археологической науки, решается следующим образом: "Сама экспансия должна была осуществляться не в виде умозрительных передвижений больших масс населения, а в качестве постепенного просачивания небольших групп переселенцев. Ее исходный ареал образовывали занятые ранними восточными славянами в VI и VII вв. участки лесной и лесостепной зоны между Западным Бугом, Припятью и Днепром – с последующим, в течение VII в., передвижением также через средний Днепр на восток... Оттуда вырисовываются два пути переселения, из которых один вел из *Галиции* и *Западной Волини* через Западный Буг, верхний Неман и среднюю Двину в бассейн Псковского озера и озера Ильмень, тогда как вторая ветвь (*Zangenast*) простиралась туда же к востоку от Днепра и вверх по Днепру через верхнюю Двину" [Goehrke 1992: 33–34].

Это заключение вполне согласуется с лингвистическими данными. Так, наблюдения над славянскими изолексами позволили Н.И. Толстому [1977: 49–50] "предварительно наметить поясную зону, которая прерывисто вырисовывается на западе восточнославянского диалектного массива: от русского Севера, преимущественно от его части, связанной с новгородской колонизацией, через Псковщину, Белоруссию, иногда через западную, иногда через восточную ее часть, через Полесье до Карпат (с частым продолжением на славянский Юг, реже на славянский Запад, Юго-Запад)". О.Н. Трубочев [1997: 70, 71], исследуя ономастический материал, обратил внимание на "явную разреженность старой славянской водной номенклатуры между Неманом и Днепром", которая говорит "о том, что приход на русский Северо-Запад от западных славян через Понеманье маловероятен". По словам автора, "в ономастике отложилась довольно четкая полоса – если говорить о крайних точках ее – от Волыни до Новгородской земли". С учетом древненовгородско-украинских схождения на фонетическом и морфологическом уровне (см. п. II. 3, 4, 7–10, IV. 5), а также многочисленных лексических параллелей между северо-западными русскими и прикарпатскими украинскими говорами (см. [Ашиток 1987: 68]) вывод именно "об этом – с Юга на Север – и никаком другом направлении древнерусского заселения Новгородской земли" [Трубочев 1997: 69], даже безотносительно к его археологической обоснованности (о чем не нам судить), представляется лингвистически гораздо более приемлемым, нежели поиски – "через голову" восточнославянских соседей – инославянских прародичей, к которым приходится "ездить так далёко", разрываясь между лехитскими и сербо-словенскими "родственниками".

В свете сказанного вновь возникает вопрос о том, до какой степени древненовгородский диалект должен в действительности рассматриваться как противопоставленный прочим восточнославянским. В условиях отсутствия для большей части древнерусской территории столь информативных источников, как берестяные грамоты, предположения о многообразных ранних диалектных различиях в Восточной Славии неизбежно строятся на сопоставлении данных берестяной письменности, адекватно передающей живую новгородскую речь, с материалами гораздо менее многочисленных и обычно относительно более поздних территориально приуроченных книжных памятников Северо-Восточной Руси (вроде ростовского Жития Нифонта 1219 г.), Средней Руси (вроде Рязанской кормчей 1284 г.) и Южной Руси (вроде Выголексинского сборника конца XII в.), в которых диалектные особенности, бесспорно существовавшие в говорах писцов, с трудом пробиваются сквозь авторитетный (а значит, в принципе не терпящий отклонений) церковнославянский текст. Возможно, тщательнейшее, глубинное исследование языка неновгородской письменности позволит реконструировать для раннедревнерусского периода новые диалектные идиомы – однако это дело будущего (хотелось бы думать – ближайшего), а до тех пор мы вынуждены либо гадать о реальном соотношении древнерусских диалектных систем – что едва ли плодотворно, либо экстраполировать на ситуацию тысячелетней давности современное диалектное членение – что методологически неверно, либо – "чаять движения воды", иными словами – ожидать появления новых источников, столь же непредсказуемого, как обнаружение первых берестяных грамот сорок семь лет назад.

ИСТОЧНИКИ

Вост. – Востоков А.Х. Словарь церковнославянского языка. Т. 2. СПб., 1861.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Злат XII – Златоструй (новг., XII в.), РНБ, Ф. п. I. 46.

КР 1284 – Рязанская кормчая (1284 г.), РНБ, Ф. п. I. 1 (по фотокопии, хранящейся в отделе истории русского языка ИРЯ РАН).

КУв сер. XIII – Уваровская кормчая (новг., сер. XIII в.), ГИМ, Увар. 124, 1°.

Лег. Авр. – Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889.

Мин. – Ягич И.В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб., 1886.

- Мин XII (н) – Служебная минея за ноябрь (новг, XII в), ГИМ, Син 161
 МинПр 1260 – Минея праздничная (новг, 1260 г), ГИМ, Син 895
 НГБ – Новгородские грамоты на бересте // Зализняк А А Древненовгородский диалект М, 1995
 Новг II лет – Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи) СПб, 1879
 Пал XIV₂ – Палея Александро-Невской лавры (новг, третья четв XIV в), РНБ, СПбДА, А 1/119
 ПНЧ XIV₁ – Пандекты Никона Черногорца (зап русск, перв пол XIV в), ГИМ, Муз 3449
 ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными Вып 10 СПб, 1994
 Пр XIII₂ – Пролог сентябрьской половины (псков, втор пол XIII в), РГАДА, Тип 156
 Пр 1313 – Пролог сентябрьской половины (псков, 1313 г), ГИМ, Син 239
 Пр 1383 – Пролог мартовской половины (псков, 1383 г) РГАДА, Тип 367 (по фотокопии)
 Праз к XIII – Праздники с вставками из Триоди (новг, кон XIII в), РГАДА, Тип 133
 ПрЛ 1262 – Лобковский пролог, сентябрьской половины (новг, 1262 г), ГИМ Хлуд 187 (по фотокопии)
 Псков I лет – Псковская первая летопись // Псковские летописи Вып 1 М, Л 1941
 Псков II лет – Псковская вторая летопись // Псковские летописи Вып 2 М Л, 1955
 Псков III лет – Псковская третья летопись // Псковские летописи Вып 2 М, Л, 1955
 РПр 1280 – Карский Е Ф Русская Правда по древнейшему списку Л, 1930
 СбСил XIV₂ – Сильвестровский сборник (новг, третья четв XIV в), РГАДА Тип 53
 Свинц – Свинцовая грамота // Зализняк А А Древненовгородский диалект М 1995 С 238
 Сл XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв Вып 1 – М, 1975 –
 Стих XII – Fragmenta Chilandarica Palaeoslavica A Sticheranum Copenhagen, 1957 (Monumenta musicae Byzantinae V 5)
 Ст Р – Грамоты из Старой Руссы // Зализняк А А Древненовгородский диалект М, 1995
 Тр 1311 – Триодь цветная (новг 1311 г), ГИМ, Син 896
 ТФ – Tonnie's Fenne's Low German manual of spoken Russian, Pskov 1607 V 2 Copenhagen, 1970
 УСт к XII – Устав Студийский (новг, кон XII в), ГИМ, Син 330 (по фотокопии)
 ЧН к XIII – Сказание чудес св Николая (новг, посл четв XIII в) ГИМ, Хлуд 215

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов Р И 1949 – Очерки русской диалектологии М, 1949
 Азарх Ю С 1967 – Отверждение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров М, 1967
 Азарх Ю С 1970 – Отверждение парных по твердости-мягкости переднеязычных согласных на конце слова в вологодско-кировских говорах // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности Череповец, 1970
 Ашишок Н I 1987 – Псковсько-прикарпатськи фитоимични паралели *жѣто, волбика, багно* // Мовознавство 1987 № 1
 Бернштейн С Б 1961 – Очерк сравнительной грамматики славянских языков М 1961
 Бирнбаум Г 1972 – О степени доказательности диалектизмов- 'архаизмов' (на материале славянских языков) // Русское и славянское языкознание М 1972
 Булкин В А Дубов И В Лебедев Г С 1978 – Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков Л, 1978
 Буров В А 1996 – К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // Росс археология 1996 № 1
 Бьернфлатен Я И 1994 – Псковские говоры в общеславянском контексте // Норвежские доклады на XI-ом съезде славистов, Братислава, сентябрь 1993 г Oslo, 1994
 Бьернфлатен Я И 1997 – Опыт лингвогеографии Псковской области // Псковские говоры История и диалектология русского языка Oslo, 1997
 Васильев Л Л 1902 – Язык 'Беломорских былин // ИОРЯС 1902 Т 7 Кн 4
 Васильев Л Л 1905 – К истории звука ѣ в московском говоре в XIV–XVII веках // ИОРЯС 1905 Т 10 Кн 2
 Васильев Л Л 1907 – К характеристике сильно-акающих говоров // РФВ 1907 Т 58
 Васильев Л Л 1908 – О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог // ИОРЯС 1908 Т 13 Кн 3
 Васильев Л Л 1909 – Одно соображение в защиту написаний *ьрь, ьръ ьръ ьль* древнерусских памятников как действительных отражений второго полногласия // ЖМНП 1909 Август
 Вермеер В 1997 – О племенах и изоглоссах // Псковские говоры История и диалектология русского языка Oslo, 1997
 Виноградов В В 1922 – Исследования в области фонетики севернорусского наречия (Очерки из истории звука ѣ в севернорусском наречии) // ИОРЯС 1922 Т 24

- Галинская Е А 1993 – О хронологии некоторых изменений в системе вокализма праславянского языка // Исследования по славянскому историческому языкознанию Памяти профессора Г А Хабургаева М 1993
- Галинская Е А 1995 – Рефлексы фонемы (ѣ) в смоленском диалекте начала XVII в // ВЯ 1995 № 4
- Георгиев В 1964 – Вокалната система в развоја на славянските езици София, 1964
- Герд А С 1995 – Русская историческая диалектология в кругу смежных дисциплин (на материале псковских говоров) // ВЯ 1995 № 2
- Геровский Г И 1959 – Древнерусские написания жч, жз и з перед передними гласными // ВЯ 1959 № 4
- Гиппиус А А 1996 – "Русская Правда" и Вопрошание Кирика в Новгородской Кормчей 1282 г (к характеристике языковой ситуации древнего Новгорода) // Славяноведение 1996 № 1
- Голоскевич Г К 1914 – Евсевиево евангелие 1283 года Опыт историко-филологического исследования СПб, 1914 (Исследования по рус яз Т 3 Вып 2)
- Горский А В Невоструев К И 1855, 1869 – Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки Отд 1 Св Писание М, 1855, Отд 3 Книги богослужебные Ч 1 М, 1869
- Гринкова Н П 1926 – Очерки по русской диалектологии // ИОРЯС 1925 Т 30 Л 1, 1926
- Карский Е Ф 1962 – Русская Правда по древнейшему списку (1930) // Труды по белорусскому и другим славянским языкам М, 1962
- Зализняк А А 1984а – Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период М 1984 (Вопросы рус языкознания Вып V)
- Зализняк А А 1984б – Древнерусское *рути* 'подвергать конфискации имущества' // Балто славянские исследования 1983 М, 1984
- Зализняк А А 1986 – Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В Л Зализняк А А Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг) Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг) М, 1986
- Зализняк А А 1990 – *Огосподиць // Вопросы кибернетики Язык логики и логика языка М 1990
- Зализняк А А 1991 – Берестяные грамоты перед лицом традиционных постулатов славистики и *vice versa* // RLing 1991 V 15 № 3
- Зализняк А А 1993 – К изучению языка берестяных грамот // Янин В Л, Зализняк А А Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг) М, 1993
- Зализняк А А 1995 – Древненовгородский диалект М, 1995
- Ильинский Г А 1909 – Славянские этимологии XV Пл п і п і е ныне // РФВ 1909 Т 62
- Каринский Н М 1898 – О некоторых говорах по течению рек Луги и Оредежа // РФВ 1898 Т 40
- Каринский Н М 1909 – Язык Пскова и его области в XV веке СПб, 1909
- Каринский Н М 1928 – Паремейник 1271 года как источник для истории псковского письма и языка // Сб ОРЯС 1928 Т 101 № 3
- Касаткин Л Л 1973 – Гласные одного вологодского говора, не знающего противопоставления согласных по твердости-мягкости // Исследования по русской диалектологии М, 1973
- Касаткин Л Л 1984 – Русский диалектный консонантизм как источник истории русского языка М 1984
- Касаткин Л Л 1995 – Некоторые фонетические изменения в консонантных сочетаниях в русском, древне русском и праславянском языках связанные с противопоставлением согласных по напряженности/ненапряженности // ВЯ 1995 № 2
- Касаткина Р Ф 1991 – Рефлексы *ѣ в некоторых севернорусских говорах // ВЯ 1991 № 2
- Каталог 1988 – Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв, хранящихся в ЦГАДА СССР Ч 1–2 М 1988
- Колесов В В 1982 – Введение в историческую фонологию Л, 1982
- Крысько В Б 1993 – Общеславянские и древненовгородские формы Nom sg masc *o склонения // RLing 1993 V 17 № 3
- Крысько В Б 1994а – Заметки о древненовгородском диалекте (I Палатализации) // ВЯ 1994 № 5
- Крысько В Б 1994б – Заметки о древненовгородском диалекте (II Vana) // ВЯ 1994 № 6
- Крысько В Б 1994в – Развитие категории одушевленности в истории русского языка М 1994
- Крысько В Б 1997 – Кости и письмена К поискам истоков древнего новгородско-псковского диалекта // Псковские говоры История и диалектология русского языка Oslo, 1997
- Кузнецов В 1898 – Сомринский говор // Живая старина 1898 № 2
- Курашкевич В 1972 – Старопольские уменьшительные имена типа *Wyszak (Wyszako), Jaszek (Jaszko)* // Русское и славянское языкознание М, 1972
- Ляпунов Б М 1926 – Этимологический словарь русского языка А Г Преображенского // ИОРЯС 1925 Т 30 Л 1, 1926
- Николаев С Л 1990 – К истории племенного диалекта кривичей // Сов славяноведение 1990 № 4
- Николаев С Л 1994 – Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // ВЯ 1994 № 3

- Петровский Н М* 1920 – О новгородских 'словенах" // ИОРЯС 1920 Т 25
- Потебня А А* 1881 – К истории звуков русского языка III Этимологические и другие заметки Варшава, 1881 (Отд оттиск из РФВ 1880 г).
- Розова З Г* 1958 – Колебания в склонении личных и собственных имен мужского рода на -о и на -е в сербохорватском языке сравнительно с русским Автореф дисс канд филол наук Львов, 1958
- Седов В В* 1994 – Восточнославянская этноязыковая общность // ВЯ 1994 № 4
- Селищев А М* 1941 – Славянское языкознание Т 1 Западнославянские языки М, 1941
- Соболевский А И* 1884 – Очерки из истории русского языка Киев, 1884
- Соболевский А И* 1886 – Одна особенность старого новгородского говора // РФВ 1886 Т 16
- Соболевский А И* 1911 – К хронологии одной особенности псковского говора // РФВ 1911 Т 65
- Соболевский А И* 1912 – Лингвистические и археологические наблюдения Вып II Варшава 1912 (Оттиск из РФВ 1911–1912 гг)
- Соболевский А И* 1916 – Два слова о псковском говоре // РФВ 1916 Т 75
- Страхов А Б* 1994 – Критические заметки по поводу некоторых черт 'кривичского' диалектного наследия в интерпретации С.Л. Николаева // Palaeoslavica 1994 II
- Толстой Н И* 1977 – О соотношении центрального и маргинальных ареалов в современной Славии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии Л, 1977
- Треблер С М* 1978 – История частной системы русского вокализма с дифференциальным признаком 'лабиализованность – нелабиализованность" по данным лингвистической географии (из опыта исторической интерпретации изоглосс) // Вестн Моск ун-та Сер 9 Филология 1978 № 5
- Трубачев О Н* 1991 – Этногенез и культура древнейших славян Лингвистические исследования М, 1991
- Трубачев О Н* 1992 – В поисках единства М, 1992
- Трубачев О Н* 1997 – В поисках единства Взгляд филолога на проблему истоков Руси 2-е доп изд М 1997
- Трубецкой Н С* 1993 – Опыт праистории славянских языков (из писем к Р.О. Якобсону и Н.Н. Дурново) // Вестн Моск ун-та Сер 9 Филология 1993 № 2
- Устинкова З П* 1977 – О генезисе цоканья в русских говорах (По материалам псковских смоленских и северо-восточных белорусских говоров) // ВЯ 1977 № 4
- Филин Ф П* 1953 – О порочной "концепции" 'нового учения" о языке в изучении лексики древнерусского языка // Докл и сообщ Ин-та языкознания АН СССР IV М, 1953
- Филин Ф П* 1962 – Образование языка восточных славян М, Л, 1962
- Филин Ф П* 1972 – Происхождение русского, украинского и белорусского языков Историко-диалектологический очерк Л, 1972
- Хабургаев Г А* 1979 – Этнонимия ' Повести временных лет в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза М, 1979
- Хабургаев Г А* 1980 – Становление русского языка М, 1980
- Чернышев В И* 1970 – Говор Пушкинского района (1936) // Избр труды Т 2 М, 1970
- Шахматов А А* 1913 – К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры // РФВ 1913 Т 67
- Шахматов А А* 1915 – Очерк древнейшего периода истории русского языка Пг 1915 (Энциклопедия славянской филологии Вып II I)
- Шевелева М Н* 1995 – Новые данные церковнославянских рукописей о рефлексах сочетаний редуцированных с плавными и развитии "второго полногласия" // ВЯ 1995 № 4
- Янин В Л* 1996 – Новгородские берестяные грамоты // Вост археология 1996 № 3
- Andersen H* 1996 – Reconstructing prehistorical dialects Initial vowels in Slavic and Baltic В, N Y, 1996
- Vinbaum H* 1991 – Reflections of the language of medieval Novgorod // RLing 1991 V 15 № 3
- Vjønflaten J I* 1995 – Prehistory and formation of East Slavic The case of the Kriviči // Подобаєть пам'ять створити. Essays to the memory of Anders Sjoberg Stockholm, 1995
- Gerovskij G* 1929 – Zur Behandlung der Lautverbindungen *dl-*, *-il-* im Sudkarpatorussischen (Ugrorussischen) // ZfsPh 1929 Bd 6
- Goehrke C* 1992 – Frühzeit des Ostslaventums Darmstadt, 1992
- Issatschenko A* 1980 – Geschichte der russischen Sprache Bd I Heidelberg, 1980
- Koschmieder E* 1996 – Die sogenannten leicht palatalisierten Konsonanten des Urslavischen // Orbis scriptus Dmitriy Tschizewskij zum 70 Geburtstag München, 1966
- Kronsteiner O* 1979 – Zum Alter der bulgarischen Lautgruppe *šri/žd* aus urslavisch **tj/*dj* // Österreichische Namenforschung 1979 № 1
- Lehu Sławiański T* 1931 – O mieszanju prasłowiańskich połączeń *telt z tolt* w językach północno-słowiańskich // Prace filologiczne 1931 T 15
- Łoć J* 1928 – Prasi *tort ≥ pol *toroŕ // Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski V 2 Kraków 1928

- Lunt H 1981 – The progressive palatalization of Common Slavic *Skopje*, 1981
- Lunt H G 1984–1985 – On Common Slavic // *Зборник Матице Српске за филологију и лингвистику* 1984–1985 № 27–28
- Manczak W 1984 – Rozwój *-l > -v, -u* w ukraińskim i białoruskim // *IJSLP* 1984 30
- Miller R H 1988 – The third person present tense and Common Slavic dialectology // *IJSLP* 1988 37
- Montautonnet J R 1905 – Specimens du parler russe de Lioubovka – Kolpino // *MSLP* 1905 T 13.
- Moszyński L 1967 – Od czego zależał różnokierunkowy rozwój tzw. *jat* w językach słowiańskich // *BPTJ* 1967 25
- Popovska-Taborska H 1993 – *Wszesne dzieje słowian w świetle ich języka* Warszawa, 1993
- Savignac D 1975 – Common Slavic **ьх-* in Northern Old Russian // *IJSLP* 1975 19
- Schelesniaker H 1982 – Gen sg aksl *zolta* // *Sprachwissenschaft in Innsbruck* Innsbruck, 1982
- Schlerath B 1992 – [Recensio] // *Præhistorische Zeitschrift* 1992 Bd 67 Rec ad Mallory J P In search of the Indo-European Language archaeology and myth London, 1989
- Schuster Ševc H 1993 – Noch einmal zur Daterung und zu den Ergebnissen der 2. Palatalisation der Velare im Slavischen mit besonderer Berücksichtigung des Altrussischen // *Slavistische Studien zum XI internationalen Slavistenkongreß in Preßburg / Bratislava* Köln etc., 1993
- Shevelov G Y 1971 – Slavic family names in *-kevič* and the palatalization of velars in Belorussian // *Shevelov G Y Teasers and appeasers. Essays and studies on themes of Slavic philology* München, 1971
- Shevelov G Y 1972 – Leonid Vasil'ev and his work // *Васильев Л Труды по истории русского и украинского языков* München 1972
- Shevelov G Y 1979 – A historical phonology of the Ukrainian language Heidelberg, 1979
- Shevelov G Y 1982 – Между праславянским и русским // *RLing* 1982 V 6 № 3
- Steber Z 1979 – *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich* Warszawa, 1979
- Taszycki W 1957 – O gwarowych formach *mgłéć, mgły, moglić się, mogliwa* itp. (Rozdział z historycznej dialektologii polskiej) // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej* 2 Warszawa, 1957
- Tevniere L 1933 – Les diphones *tl* en slave. *essai de géolinguistique* // *RÉSI* 1933 T 13 Fasc 1–2
- Timberlake A 1981 – Dual reflexes of *dj in Slavic and a morphological constraint on sound change // *IJSLP* 1981 23
- Трубetzкой N 1927 – Russ. *семь* 'sieben' als gemeinostslavisches Merkmal // *ZfslPh* 1927 Bd 4
- Трубetzкой N 1936 – Die altkirchenslavische Vertretung der urslav. **tj, *dj* // *ZfslPh* 1936 Bd 13
- Vermeer W 1994 – On explaining why the Early North Russian nominative singular in *-e* does not palatalize stem final velars // *RLing* 1994 V 18 № 3
- Vermeer W 1995 – Towards a thousand birchbark letters // *RLing* 1995 V 19 № 2
- Vermeer W 1997 – Notes on medieval Novgorod sociolinguistics // *RLing* 1997 V 21 № 1
- Vondrak W 1906 – *Vergleichende slavische Grammatik* Bd 1 Lautlehre und Stammbildungslehre. Göttingen, 1906